

УДК 374.3:316.75

Солодовник Любовь Владимировна

соискатель ИППК ЮФУ
тел.: (863) 264-19-12

Solodovnik Lyubov Vladimirovna

Postgraduate Student of the Institute for Retraining and
Development of Vocational Competence of
Southern Federal University
tel.: (863) 264-19-12

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Статья посвящена выявлению взаимосвязи социально-гуманитарного знания и образования и идеологической безопасности российского общества. Показано, что падение статуса социально-гуманитарного знания негативно сказывается на состоянии идеологической безопасности общества. Идеологические знания и ценности выполняют важные социальные функции, организуя, регулируя, направляя и интегрируя деятельность людей в духовной, политической, экономической, социальной и семейно-бытовой сферах жизни общества. Разрушение подобной идеологической структуры социума влечет за собой дезорганизованность и дисфункциональность всех его сфер.

Ключевые слова: социально-гуманитарное знание, социально-гуманитарное образование, идеологическая безопасность, духовное самовоспроизводство.

SOCIAL HUMANITARIAN KNOWLEDGE AND EDUCATION IN THE CONTEXT OF IDEOLOGICAL SECURITY

The article is devoted to revealing the relationship of social humanitarian knowledge, education and ideological security of the Russian society. It is shown that the decline in the status of social humanitarian knowledge has negative impact on the ideological safety of the society. Ideological knowledge and values serve important social functions organizing, regulating, directing and integrating activities of people in spiritual, political, economic, social, family and household sectors of the society. Destruction of this ideological structure of the society entails disorganization and dysfunctionality of all its spheres.

Key words: social and humanitarian knowledge, social and humanitarian education, ideological security, spiritual self-reproduction.

Ни одно общество не может существовать без определенной системы знаний и идей, начиная с простейшего уровня – передачи социокультурного опыта. Любая социальная система для своего функционирования и развития нуждается в различного рода знаниях, которые существуют в обществе с самых ранних его форм: знания об окружающей среде, сюда относятся природная среда, сама биологическая природа человека, вне отношения с которой невозможен труд как целесообразная деятельность; знания о способах действия в данных условиях (охота, земледелие, производство орудий); различные формы отражения социальных отношений между людьми, необходимые для обеспечения совместной деятельности.

В отечественном социально-гуманитарном знании идет противоречивый процесс переосмысления многих имевших место фактов и событий, как в далеком, так и в относительно недавнем прошлом. Одни ощущают это как утрату привычного пространства проблем и способов их решения. Для других – это очищение научно-интеллектуальной мысли как системы идей от догм и ограничений. Известный социолог Л.Д. Гудков пишет, что нынешнее положение социальных наук в России двусмысленно и противоречиво. Неясны или неопределенны не только общественные ожидания в отношении социальных наук, но смутно и разнородно и профессиональное самопонимание ученых и преподавателей, их ориентации на разных социальных партнеров. Главная трудность развития социальных наук в России не в низком уровне освоения теоретического потенциала современной социологии, закрытости российских ученых от западного опыта или аморфности, эклектике самих дисциплин, а в слабости российского общества, не испытывающего нужды в соответствующем социальном знании, не высказывающего интереса к работе исследователей или их интерпретациям происходящего [1, с. 123].

В чем усматривается подобный кризис? Во-первых, это ослабление влияния на социальную мысль классических традиций гуманитарных школ второй половины XIX – первой половины XX вв.; данный отход от традиций, утрата связи с ними указывает на отсутствие преемственности, потерю уже ранее накопленного методологического опыта и стремление все начать сначала, нулевой отметки. Во-вторых, это завышение роли субъективного фактора в гуманитарных исследованиях, порождающее высокую степень произвольности высказываний и наблюдений, опирающихся исключительно на саморефлексию автора, что возводит в правило необъективность результата, отменяет обязательность надежной аргументации. В-третьих, все чаще встречается подмена исследования описательностью без опоры на какую-либо достоверную теорию или, наоборот, схоластическое теоретизирование без опоры на научные аргументы. В-четвертых, это отсутствие в гуманитарной науке последних десятилетий крупных научных открытий, масштабных концептуальных решений, направленных на познание духовного мира человека и общества, законов общественно-

го развития. В-пятых, это неустойчивость терминологического языка в области гуманитарных наук и частичная утрата культуры пользования традиционными понятиями и категориями, отработанными в философии и науке XIX – нач. XX вв. [2, с. 127-128]

Падение статуса социально-гуманитарного знания негативно сказывается на состоянии идеологической безопасности общества. Идеологические знания и ценности выполняют важные социальные функции, организуя, регулируя, направляя и интегрируя деятельность людей в духовной, политической, экономической, социальной и семейно-бытовой сферах жизни общества. В условиях глобализации и информатизации существенно трансформировалась и усложнилась сама социальная реальность, изменились модели, ее отображающие, соответственно, произошли серьезные изменения в стратегиях исследования этой реальности. Распад социальной реальности на различные поля и анклав, умножение типов индивидуального опыта, плюрализм повседневных практик привели к возрастанию научного интереса к локальным формам бытия социального. Новые способы воспроизводства социальности, новые механизмы социальной интеграции и социального контроля приводят к формированию способов научной репрезентации, существенно отличающихся от тех, которые коррелировали с цивилизационными практиками эпохи Модерна [3].

Вопрос о противостоянии науки и антинауки в настоящее время сильно обострился и начинает приобретать характер серьезной мировоззренческой, методологической, психологической, социальной и информационной проблемы. Постоянными темами философских и публицистических споров стали: ценность и статус науки в жизни современного общества; паранормальные и аномальные явления и отношения к ним; идеи, объясняющие мир иначе, чем официальная наука; научная медицина и различные методы народного и паранормального целительства; технические изобретения и приборы, созданные якобы на основе не принятых современной наукой или неизвестных ей представлений, но обладавших необычайными возможностями (торсионные двигатели, психотропное оружие, медицинская техника и т. п.). Параллельно с этим имеет место всё более усиливающийся процесс проникновения различного рода антинаучных представлений в общественное сознание, в том числе в сознание школьных учителей, врачей, преподавателей вузов, научных работников. Эти представления становятся уже вполне привычной частью школьных и даже вузовских учебников [4].

Набирают силу различные конспирологические теории, по оценкам ряда исследователей, представляющие собой составную часть маргинального дискурса. Обращается внимание исследователей на то, что теории заговора, по сути – часть маргинального дискурса, и этот дискурс серьезно влияет на содержание и эволюцию конспирологических теорий. Мечтая занять достойное место в социуме, маргинал выдвигает идею, которая должна оправдать его маргинальное состояние, поставить под сомнение «нормальность» окружающего мира. Общественный резонанс маргинальных идей авторов теорий заговора свидетельствует, что создаваемые ими схемы и теории востребованы определёнными социальными кругами, дезориентированными в формировании национальной идентичности, в плане понимания причин неблагополучия существующей общественной системы [5].

Другой важный сегмент социально-гуманитарной сферы, тесно связанный с проблемами идеологической безопасности – это образование. Сопряжение образовательного потенциала и национальной безопасности имеет многоплановый характер: национальная безопасность является необходимым условием формирования, развития и функционирования сферы образования; образовательный потенциал выступает как ресурс, объект и инструмент политики обеспечения национальной безопасности; упадок образования создает угрозы безопасности. Система образования имеет стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности. Она вооружает каждого человека знаниями, умениями и навыками, которые необходимы для обеспечения личной безопасности; формирует культуру безопасности, готовит работников, профессионально занятых обеспечением конкретных видов и направлений безопасности, а также специалистов по организации и обеспечению безопасного функционирования объектов [6].

Однако за последние годы существенно деформировалась система духовного самовоспроизводства общества, и, прежде всего в результате кризиса институтов социализации и культурной преемственности, важнейшим из которых является институт образования (воспитание – его важнейшая составляющая). Просчеты государственной образовательной политики проявились не только в сокращении объемов финансирования высшей школы, но, прежде всего в непродуманной модификации целей и ценностей образования.

В этом смысле недоработки в системе образования – непосредственная угроза национальной безопасности. По оценкам А. Любжина, если смотреть на образование с социальной точки зрения, то можно выделить двух идеальных субъектов – государство и человека, который получает образование. У них свои отдельные интересы, кроме того, оба субъекта не отличаются монолитностью. Под целью «устроиться в жизни», которой можно обобщить стремления второго, могут подразумеваться совершенно разные вещи – это понятно. Что же касается государства, то нам придется различать некоторое

«идеальное» государство, отвечающее своей образовательной политикой на сумму здоровых общественных потребностей и само формулирующее потребности развития, и «идеальное» же государство – бюрократию, заботящуюся о воспроизведении управленческого аппарата и его интеллектуальной obsługi. Реальное же государство может катастрофически не дотягивать не только до первого, но и до второго: чтобы провалить подготовку квалифицированного правящего слоя, более чем достаточно перенасытить программы его подготовки экономикой и правом [7].

М. Делягин многие беды нашей образовательной системы выводит из неоправданного сужения понятия образования, под которым стали понимать лишь простую передачу знаний и предоставление рыночных услуг, а не систему формирования и социализации личности. При этом правящей бюрократии не только не нужны, но и смертельно опасны личности уровня А. Эйнштейна или Т. Рузвельта. Ей нужна страна, населенная заранее согласными на все рабами-мигрантами, восторженно-тупыми, ничего не знающими и не умеющими и потому полностью зависящими от своих хозяев-десятичников стадами «нашистов» и, наконец, в качестве сияющей вершины социальной эволюции – «офисным планктоном», столь же сознательным и влиятельным, что и настоящий [8].

Российская образовательная практика как целостная социокультурная организованность знания, мышления и деятельности, обеспечивающая воспроизводство социокультурной реальности, испытывает на себе противоречивые воздействия и вызовы современности, вследствие чего закрепляются коммерциализация образовательных отношений, ориентация на рыночную выгоду, дисфункциональность, элитарный подход, селекция учащихся не по способностям, а по имущественным и социокультурным критериям. Происходит архаизация, упрощение и примитивизация образования под видом рационализации; формализация под видом приведения к «европейскому стандарту»; сокращение доступности посредством введения двухуровневой системы. В результате искусственно навязываемые «сверху» отношения в образовательной практике ведут к тому, что ценности и символы подлинной культурной модели замещаются вульгарной коммерциализацией, формализацией, упрощением и стандартизацией, что разрушает традиционную для российской культуры матрицу самоотверженного просветительства.

Снижение статуса и социальной значимости социально-гуманитарного знания и образования связано с национальной безопасностью как социальным явлением, суть которого составляют состояние и качество реально сложившихся социальных отношений в обществе, обеспечивающих необходимый уровень гарантий его безопасности. В подобных координатах идеи формируют общественное сознание и общественное мнение. Однако те идеи и воззрения, которые неадекватно отражают окружающий мир и вводят людей в мир иллюзий и заблуждений, препятствуя рационально-критическому восприятию социального мира и самого себя, неизбежно несут в себе угрозу идеологической безопасности общества. Тем самым искажается идеологическое потребление, то есть восприятие идей, значений и смыслов, заключенных в идеологических текстах и в целом в многообразии «идеологического мейнстрима».

Снижение статуса и социальной значимости социально-гуманитарного знания связано с национальной безопасностью как социальным явлением, суть которого составляют состояние и качество реально сложившихся социальных отношений в обществе, обеспечивающих необходимый уровень гарантий его безопасности. В подобных координатах идеи формируют общественное сознание и общественное мнение. Однако те идеи и воззрения, которые неадекватно отражают окружающий мир и вводят людей в мир иллюзий и заблуждений, препятствуя рационально-критическому восприятию социального мира и самого себя, неизбежно несут в себе угрозу идеологической безопасности общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гудков Л.Д. Положение социальных наук в России // Вопросы образования. 2005. № 1.
2. Селиванов В.В. Кризис методологий в гуманитарных науках // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора М.С. Кагана. Материалы междунар. науч. конф. Вып. 12. СПб., 2001.
3. См.: Гусева И.И. Стратегии исследования в социально-гуманитарных науках: философско-эпистемологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2008.
4. Кругляков Э.П. «Ученые» с большой дороги. М., 2001.
5. Сайнаков Н., Яблоков И. Теории заговора как часть маргинального дискурса (на примере создателей Новой хронологии Н.А. Морозова и А.Т. Фоменко) // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры, 2011, № 1. // URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss15.html> (дата обращения 23.06.2012)
6. См.: Фельдман О.А. Образовательный потенциал системы национальной безопасности России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2011.
7. Любжин А. Контуры реформы образования // Русский журнал. 2010. 1 марта.
8. Делягин М. Система образования не должна воспитывать самовлюбленных рабов // Русский журнал. 2007. 31 авг.